

АРСЕН МАММАЕВ

ЧЁРНЫЕ ПЯТНА НА БЕЛОМ ХАЛАТЕ

ДНЕВНИК СТОМАТОЛОГА

Арсен Маммаев

**Черные пятна на белом
халате. Дневник стоматолога**

«Издательские решения»

Маммаев А.

Черные пятна на белом халате. Дневник стоматолога /
А. Маммаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511457-0

Показания к прочтению «Черные пятна на белом халате» Арсена Маммаева:
— Грусть— Тоска— ОдиночествоМеханизм действия:Препарат на основе
множестве различных букв, связанных таким образом, что формируют
последовательные слова, а затем и связанную историю, которая западает
в душу. Книга, которая заинтересует далеко не только медиков.Быстро
усваивается, но медленно выводится организмомПротивопоказания:— Чтение
перед сномПобочные эффекты:— Тяжесть в груди, навязчивое переживание,
бессонница

ISBN 978-5-00-511457-0

© Маммаев А.
© Издательские решения

Содержание

Добровольная ссылка	6
Работа. Первые дни	9
Коллега. Детская стоматология	12
В20	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Черные пятна на белом халате

Дневник стоматолога

Арсен Маммаев

*Моим жене и ребенку, благодаря которым эта книга вышла бы
в свет еще несколько лет назад.*

Корректор Ксения Белокроликова

© Арсен Маммаев, 2023

ISBN 978-5-0051-1457-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Добровольная ссылка

Двадцать восьмое августа. Самолет. Рейс на поселок, в который не хочется возвращаться после пятилетней студенческой жизни в городе, поселок Б. на севере России; место, куда в восемнадцатом веке ссылали людей в качестве наказания, – там они проводили остаток своих дней в диком холоде и жутком одиночестве, а сейчас, в настоящее время я сам, по своей воле отправлюсь в это забытое богом место: оно оторвано от жизни, туда трудно попасть и еще сложнее оттуда уехать. В поселок нет дороги – туда можно добраться только по воздуху либо по воде, на метеоре (плавательное транспортное средство); там очень холодно и существует всего два времени года: зима и время, когда отсутствует снег. В то время, когда нет снега, есть другая напасть – огромное количество назойливых насекомых, которые сочтут своим жизненным долгом и главной целью своего короткого существования оставить как можно больше укусов на теле человека.

Поселок ничего толком не производит, и для того чтобы снабжать эту местность различными продуктами, необходимо делать завоз с ближайших городов. Так как дороги нет, то зимой нужно ждать, пока замерзнет река, чтоб на ее месте потом соорудить зимник (замерзшая река, которая служит дорожным полотном). Другим оставшимся временем года ждать, пока этот зимник вместе со льдом растает, чтоб пустить транспорт по воде. А в весеннее время, когда суровый, прочный лёд, только проявляет сентиментальность при виде давно забытых, игристых лучей солнца, своей мягкостью провоцирует распутицу, что на определенное время обесточивает все население.

При выходе из самолета первым живым существом, который меня встретил в поселке, был комар, который своей тонкой иглой уколол меня в шею – это был некий штамп, без которого нельзя было входить в поселение, и этот штамп стоил насекомому жизни. А может это был знак? Предупреждение, что не стоит сюда возвращаться? Следующими, с кем мне пришлось повидаться, была толпа встречающих – в этой толпе я разглядел свою мать. Она была в длинном, темном пальто и ситцевым платком прикрывала свою голову и плечи. По календарю было еще лето, но фактически, чувствовалось, что наступает зима. Одет я был, соответственно, по календарю, единственный среди всех, чему яро возмущалась моя кожа, подняв всю артиллерию пупырышек по телу, и чему явно не очень была довольна моя мать:

– Уже замерз?

– Да нет, – стуча зубами проговорил я, – А где Мила?

– Она дома, спит, время-то позднее уже.

– Точно, совсем забыл про разные часовые пояса.

– Завтра пойдешь в больницу устраиваться на работу, собери все необходимые документы.

– Хорошо, только я не собираюсь тут надолго задерживаться – как только наберусь опыта, уеду искать работу где-нибудь в городе.

– Чтоб набраться опыта, тебе придется поработать тут какое-то время, а без опыта в городе тяжело будет устроиться. Мы сели в машину и поехали домой.

Бесконечный звонок будильника не дает досмотреть интересный сон, который я тут же забываю, пробудившись. Утро – самое сложное время суток, тем более здесь, в поселке, когда холодно, голодно и не хочется отлучаться от цепких объятий нежной кровати, где тепло и уютно. Раньше, учась в университете, я себе мог позволить такое блаженство, как поспать подольше и пойти на занятия ко второй паре; переставив будильник на час позже, я вновь просыпался и думал: в принципе, можно подойти и к третьей – отработать занятие я всегда успею, а вот выспаться – нет. В итоге я просыпался днем, когда уже все занятия подходили к концу,

но так было не всегда, иначе бы я просто не окончил университет и меня бы отчислили. Громкий голос матери разбил мою ностальгию и вернул к реальности.

– Проснулся? Давай собирайся, иди в больницу.

– Дай мне пять минут.

Я собрался поднять свое тяжелое после сна тело с кровати, как услышал быстрые и легкие шаги в коридоре, – не успел я повернуть голову в сторону звука, как на меня набросилась моя сестренка, обратно прибив меня к кровати.

– Русик, Русик, ты приехал, наконец-то, – счастливым криком встретила меня она.

– Да. Я приехал, – сонным голосом ответил я.

– Я так рада, что ты вернулся, – теперь мы все будем вместе.

Моя младшая сестра была невероятно чувственным и все понимающим ребенком для своих шести лет: она всегда была нежной и милой и всегда чувствовала, когда человеку нужна была поддержка, – мало кто в таком возрасте думал о таких вещах; обычные дети копались в песочнице, играли в игрушки, но она была особенной.

– Слушай, Мила, я тоже очень рад, но мне уже надо бежать устраиваться на работу, а после мы с тобой еще увидимся.

– Конечно, увидимся, я буду очень ждать. – Убежала она обратно.

В кабинете главного врача я просидел в ожидании около часа. В это время я задумался, а надо ли мне все это: работа шесть дней в неделю, поселок, в котором нет человека, с которым можно просто поговорить по общим интересам; стоматология, которая требует много усердной работы, – в общем, начинать всю эту рутинную жизнь, когда каждый новый день похож на предыдущий, в свои двадцать два года, когда полон энтузиазма и желанием путешествовать, посещать страны, увидеть воочию все самые прекрасные и великие сооружения природы, а также человечества, ведь столько необычных и незабываемых красот мои глаза еще не видели, столько горячих песков не грело стопы моих ног, столько необъяснимых и загадочных явлений природы не будоражило мой ум, столько интересных звуков...

Вдруг хлопает дверь – и это был не тот звук, который я хотел услышать, – тем самым останавливая мои мечтания о далеких далях и возвращая меня в комнату. Он вошел, шаг его был медленным и тяжелым – мужчина в белом длинном халате, около шестидесяти – семидесяти лет, с густыми седыми усами, с глубоко посаженными, уставшими глазами, которые скрывались за очками. Войдя и не сказав ни слова, он сел в свое кресло, нашел на своем большом столе папку с моими документами, которую я, зайдя в кабинет, оставил на столе, вытащил оттуда временный лист аккредитации (это документ, который говорит о том, что врач прошел специализацию и готов к работе), который выглядел немного помятым, и сказал:

– И ты с этой растрепанной бумагой хочешь устроиться на работу? Этот лист характеризует твоё отношение к делу, а судя по нему, ты относишься к делу халатно.

В кабинете повисла тишина; его твердый и пронзительный взгляд застыл на мне, очки были приспущены так, что из-под них были видны серые томные глаза, и от этого взгляд его казался еще тверже – было ощущение, будто его зрачки испускают огненный луч, который прожигает на мне дыру. Перед тем как пойти к главному врачу, в голове я продумывал слова, которые скажу при встрече, и все они просто тут же потеряли смысл.

– Это временный документ, через несколько месяцев будет готов оригинал.

– Сейчас на руках у тебя есть оригинал?

– Нет.

– Тогда на данный момент эта растрепанная бумага и является документом, исходя из которого, я должен тебя принимать на работу, не считая диплома.

Снова тишина, взгляд его опять застыл на мне; я подумал, что стоит что-то сказать, как тут же он сам продолжил:

– Ладно, в понедельник пройдешь медицинскую комиссию, сдашь все необходимые документы в отдел кадров, потом можешь приступать к работе.

– Спасибо.

Первый же день, первое знакомство с главным врачом выдалось не самым лучшим. После того как я поговорил со своим будущим начальником, если это можно назвать разговором, впечатление о нем осталось не очень хорошее: в его поведении читались надменность и высокомерие, он явно не хотел сам находиться и работать в этом поселке, здесь его держала только его должность. Я приехал домой, дома меня ждала мама – я поделился с ней беседой, которая состоялась, и она тут же резко бросила:

– Все, конец, теперь тебя не возьмут на работу – ты в первый же день показал себя с плохой стороны, а первое впечатление самое важное. Как ты мог так растрепать документ? Любой официальный документ – это твое лицо: как ты относишься к документу, так ты относишься к себе и к работе. Не могу поверить – с растрепанной бумагой пошел на работу устраиваться, ты совсем сдурел? Вместо того чтобы сидеть в своем интернете, лучше бы документами занялся.

У мамы была болезнь щитовидной железы – эта болезнь присуща по большей части женщинам ее возраста; характеризуется она резкими перепадами настроения, стрессом, иногда агрессией, так что ее слова порой казались резкими и мне просто приходилось терпеть и выслушивать. Как бы я ни старался с ней не спорить, мало когда это удавалось: между нами была огромная пропасть непонимания, мои взгляды были резко противоположны ее взглядам, и каждый раз мы пытались доказать свою правоту, и оба каждый раз выходили проигравшими. Всегда в конце последним ее аргументом были слезы, моим – ничего, кроме чувства собственного кретинизма и недостойного существования, так как слезы матери дорого стоят, из-за чего бы они ни были пролиты.

Ко мне подошла сестра. Она сказала мне, что рада тому, что я приехал, и попросила меня не ссориться больше с мамой, а если такое повторится, то она меня строго поругает; затем она мило улыбнулась и ушла в свою комнату. Она еще была мала, чтоб знать о вечных проблемах отцов и детей, где родители считают детей бездельниками и думают, что они занимаются не тем, чем следует заниматься, а дети считают, что родители их не понимают и не поддерживают, – в результате этого и формируется пропасть между родителями и детьми, и когда те или иные пытаются возвести мосты для того, чтобы свести эти обрывы и прийти к единому, наконец-таки встретиться общим мнением, то всегда все эти попытки бывают тщетны.

«Нынешняя молодежь привыкла к роскоши. Она отличается дурными манерами, презирает авторитеты. Дети спорят с родителями, жадно глотают еду и изводят учителя».

Это слова Сократа в пятом веке до нашей эры. Вечная проблема, для решения которой не хватит самой вечности.

Работа. Первые дни

За окном стоял глухой туман, в радиусе пятидесяти метров мир казался пустым, серая масса окутала собой все вокруг – все казалось незримым и тихим, слышны были только лишь свое дыхание и робкие шаги на пути к неизвестному.

Я пришел пораньше, чтоб ознакомиться с рабочим местом, узнать, как все обустроено, подготовить все необходимые материалы.

Поликлиника не то чтобы была полна большим количеством хороших стоматологических материалов – здесь и простого необходимого материала был дефицит, к примеру, даже обычной анестезии не было, как мне объяснили, – были только две составляющие: двухпроцентный лидокаин и адреналин, последний нужно было по капле добавлять в лидокаин. Если же добавить чуть больше адреналина, то состояние пациента могло бы ухудшиться, поэтому с этим нужно было обходиться аккуратно, – все это нужно было смешать самому, чтоб получить анестетик, необходимый для обезболивания, и то этого эффекта не всегда хватало, чтоб полностью купировать болевые ощущения при лечении. На дворе двадцать первый век, но не покидало ощущение, будто нахожусь в средневековье и занимаюсь алхимией, добывая необходимый эликсир, смешивая два простых ингредиента.

Стоматологическая поликлиника была в здании районной больницы, состояла она всего лишь из двух кабинетов: терапевтического, где проводилось лечение зубов, и хирургического, где производили хирургические манипуляции.

Я подготовил свое рабочее место и сидел в ожидании пациентов. Определенное время я просидел без дела, лишь копаясь в голове и повторяя, как проводить различные манипуляции. И вот входит молодой человек с уставшими, мокрыми глазами, сильно придерживая рукой нижнюю челюсть, будто бы если ее отпустить, то она тут же выпадет. Он направился робкими шагами к моему креслу и тяжелым голосом попросил помочь ему. Я стал расспрашивать пациента о его жалобах, взял все необходимые инструменты, попросил открыть рот и принялся искать причину этой боли, нашел сильно разрушенный зуб и только зондом дотронулся до дна кариозной полости, как тут же комнату охватил очень громкий и короткий крик боли пациента. От этого, словно из почвы прорезываются росточки, выросли капли пота, заполняя весь морщинистый лоб на его лице; пациент пуще прежнего после этого начал держать свою челюсть. Я сам от этого оглушительного звука завис в ступоре, не зная, что делать, и вспоминая все, что было пройдено в университете, чтобы предпринять хоть какие-то меры. Честно сказать, все пятилетние знания будто бы покинули мою голову, ничего не приходило на ум; я почувствовал, как и у меня запотели ладони под перчатками, ступор охватил меня полностью, я был скован. Спустя некоторое время я все-таки вспомнил, что необходимо делать в таких случаях, еле уговорил пациента открыть снова рот и поставил в полость зуба мышьяк, закрыл его временной пломбой и записал пациента на следующий прием через три дня. Он, так же все не отпуская свою челюсть, вышел за дверь уже быстрым шагом; я задумчиво стоял с широко открытыми глазами, уставившись в одну точку, когда меня окликнул другой стоматолог, который был рядом, и сказал:

– В следующий раз используй анестезию.

Мне стало не по себе: как я мог про это забыть?

Прием пациентов я продолжал – приходили люди разного возраста и с разным состоянием полости рта. Прием я вел долго и с неким волнением, так как не имел достаточного опыта, а на каждого пациента было выделено всего сорок минут, – пока я лечил одного пациента, в коридоре уже скапливалось несколько негодующих, очередь которых должна была быть еще час назад. Связано это было с тем, что с некоторого времени изменилась система образования, то есть студент, который оканчивает университет, в дальнейшем не проходит интерна-

туру, как это было ранее, а идет сразу работать, не имея никаких практических навыков. Но, по правде сказать, в универе у нас были фантомы (муляжи для стоматологических манипуляций), чтобы учиться сперва на искусственных зубах, но ими мы никогда не пользовались – они всегда пылились где-то на складе, о них вспоминали лишь тогда, когда приезжали операторы для съемок каких-то новостей; их выставляли, подсаживали за них студентов, которые делали вид, мол, что-то делают, для видео, а когда операторы уезжали, отсняв нужный материал для репортажа, то фантомы тут же убирала обратно на склад. На вопрос, будем ли мы когда-нибудь ими пользоваться, нам декан отвечал: «Они очень дорогие, вы сперва на живых людях научитесь работать».

Когда рабочий день подходил к середине, неожиданно в кабинет, резко открыв дверь, влетела женщина средних лет с явно агрессивным настроением, о чем свидетельствовали ее гримаса и сильно сжатые зубы до такой степени, что слышен был их скрежет.

– Кто сегодня здесь работает? – выдала она громко, даже крича.

– Я работаю, – спокойно ответил я.

– Тогда какого черта ты не вносишь пациентов в электронную карту? – Голос ее был громким, и в нем слышалась вся злость, которая в ней была на данный момент. Я стоял в ступоре от неожиданности, и не успел я ответить, как она повторила:

– Я спрашиваю: какого черта ты не вносишь пациентов? – На этот раз голос ее был медленным, томным и тихим, но злость все еще присутствовала в нем; она четко проговаривала каждое слово, каждую букву этого вопроса и в конце, как будто ставя невербально знак вопроса, направила на меня свой оскал и тяжелый взгляд – он был настолько тяжелым, что я почувствовал себя атлантом, который удерживал на себе небесный свод.

– Я не... – хотел вставить я. Как тут же она быстро перебила:

– Почему? А? Почему? – начала она бросать.

– Так я...

– Почему ты не вносишь?

Я понял, что адекватного диалога у нас с ней не выйдет; более того, я не понимал, кто есть этот человек – она не представилась, не сказала, кем является и чего вообще хочет, поэтому я к ней обратился.

– Женщина. – Она будто бы меня не слышала и продолжала что-то тараторить свое. – Женщина. – В ответ опять не последовало никакой реакции. – ЖЕНЩИНА, – пришлось уже мне крикнуть. Она пришла в себя, будто ей плеснули в лицо холодной водой.

– Какая я тебе женщина? – удивленно спросила она меня.

– А как мне к вам обращаться? Я вас вижу первый раз в жизни, и, честно сказать, вы не производите впечатление адекватного человека: есть правила этикета – когда видишь незнакомого человека, прежде чем к нему обратиться, нужно представиться и объяснить, с каким вопросом вы пришли, и излагать в вежливом тоне, – ну вы взрослый человек, не мне же вам это объяснять.

– Я Надежда Михайловна, главный экономист этой больницы.

– Ну вот, другое дело, очень приятно! Я... – хотел я только представиться.

– Так, что ты это тут устроил? А ну давай заполняй карты и, пока не заполнишь, домой не пойдешь, давай заполняй! – повторила она громко и ушла быстрыми шагами, стуча каблуками. В этот момент шаг ее напоминал древнего человека: сутулая спина с выдвинутыми вперед плечами, хмурое лицо с тупым и злым взглядом, который видел только одну точку и шел к ней.

Первый рабочий день оказался не самым лучшим, он был очень тяжелым морально и физически, но даже и в плохом дне есть положительный момент – он имеет тенденцию заканчиваться. Хотя плохой и тяжелый день – это тоже время, которое мы проживаем, это тоже эмоции, которые мы испытываем; да, пускай и неположительные, но и другие эмоции тоже

необходимо испытывать, чтоб закалять характер и становиться сильнее. Если бы люди испытывали всегда только положительные эмоции, то они перестали бы быть положительными – не было бы вообще таких понятий, как положительное и отрицательное: были бы просто эмоции и не было бы никакого удовольствия от такого, все это казалось бы обыденным и должным. Такие же дела обстоят с добром и злом – зла как такового нет, есть только отсутствие добра, которое люди именуют злом; по существу зло – это только слово, а добро есть – все.

«You'll Never Walk Alone» – поет легендарный футбольный стадион в Ливерпуле; песня, которая говорит о том, что ты не один и что трудности на твоём пути временны, – после тяжёлого и изнурительного дня это как раз то, что нужно для меня. Футбольные матчи с участием моей любимой команды «Ливерпуль» всегда приносили мне удовольствие, отвлекали от мыслей и уносили на стадион на пару часов, где полностью растворяли в гуле болельщиков.

Я являюсь большим фанатом ФК «Ливерпуль» и самого футбола в частности, помимо самого спорта мне ещё интересно давать прогнозы на футбол, то есть делать ставки, и на этом деле первое время я неплохо зарабатывал, очень даже неплохо, да так, что какое-то время, не имея при этом никакого постоянного дохода, идя за покупками в магазин, я брал все что вздумается, не обращая внимания на ценник. Это все происходило на первом курсе университета, в тот период, когда только переехал из маленького поселка, от родителей, в город и начал самостоятельную жизнь. Было ощущение, что так будет всегда, что всегда смогу тратить деньги и они никогда не будут заканчиваться; даже иногда посещали такие мысли, что стоит ли вообще учиться, работать, тратить на все это время, когда одним кликом можно выиграть столько же, сколько принес бы месячный доход на работе, но это все было ложное чувство – не всегда бывает так, как мы себе воображаем, порой бывает все наоборот. Вначале старушка фортуна идет с тобой нога в ногу, но, когда доходит до определенного момента, когда кажется, что фортуна тебя никогда не покинет, она поворачивается к тебе спиной, потом оказывается, что это старушка-марионетка в руках манящего азарта, который все это время водил тебя за нос. И если ты вошел в этот азарт, то он так просто тебя не отпустит, – это как заманивать зверька в клетку, подкидывать ему еду до тех пор, пока он не растолстеет и станет менее подвижным, тогда уже его легко можно будет поймать и посадить в клетку.

Коллега. Детская стоматология

Прошло некоторое время, и я понемногу начал привыкать к работе, к капризным пациентам, к занудному начальству. Вонючий запах гнойного периодонтита уже казался не таким резким. Постоянный свист наконечников, вместе с вечно жужжащим компрессором, превратился в привычный фоновый шум. Еще я решил взять подработку, чувствуя, что немного набил руку. Подработка заключалась в ночном дежурстве: так как вызовов было в ночное время не так уж много, дежурный стоматолог находился дома, и на случай, если вдруг необходим был врач, дежурная медицинская сестра в поликлинике вызывала его – тот должен был приехать либо сам, либо за ним отправлялась машина скорой помощи и привозила его в больницу.

В мою смену работал еще один стоматолог. Звали его Бисан – достаточно редкое и интересное имя. Ему около сорока пяти лет, он среднего роста, легкая седина на его и так не засеянной волосами голове играла переливами, он был довольно-таки в теле, но невыносимо медленен и малоподвижен, и редко задействовал функционал своих мышц, кроме одной – языка, им он мог строить различные хитросплетения. Это врач с очень специфическим методом лечения: если в его работе случались какие-либо ошибки или он не успевал по времени пролечить пациента, то он тут же винил того по самым нелепым причинам и никогда не стеснялся в своих выражениях. Мол, что за зубы у вас такие? Как вы умудрились так запустить свой рот? И как я сейчас, по-вашему, должен ремонтировать этот гнилой забор? То слюна течет рекой, то рот не можете открыть, хоть домкратом поднимай. Таким образом он стыдил пациентов, и те невольно впадали в краску, то есть он своими резкими упреками делал виноватыми в его же ошибках самих пациентов, а те, в свою очередь, действительно задумывались о том, что сами не усмотрели за зубами, и в дальнейшем к врачу не имели претензий. Что касается гигиены, то он напрочь забывал, что это такое, – перчатки не надевал, работал голыми руками. На вопрос, почему не надевает перчатки, он без зазрения совести отвечал, что перчатки априори предназначены для того, чтобы обезопасить врача от пациента на случай, если у того имеются какие-либо заболевания, только и всего. Обращался он таким образом отнюдь не со всеми пациентами – люди более высокого ранга любили посещать именно его прием, ибо тот обходился с ними крайне доброжелательно и осторожно, и только для таких пациентов он вспоминал, что существует медицинская этика и деонтология, для таких пациентов у него всегда была припасена пара историй или анекдотов, для того чтобы хоть как-то отвлекать их от лечения. Я удивлялся всегда ему, как он умудрялся сочетать в себе двух совершенно разных врачей.

А я в свою очередь принимал всех пациентов одинаково, не разделяя их на классы и так далее, да и большого различия в классе среди моих пациентов не наблюдалось – моими пациентами были в основном люди пожилого возраста, дети либо люди, ведущие асоциальный образ жизни. Правда, последняя неделя выдалась весьма тяжелой из-за того, что на приеме у меня были практически одни дети. Для большинства стоматологов детская стоматология является просто адом: невыносимые крики и капризы детей не дают провести адекватного лечения, так вот эта неделя дала понятие мне о детской стоматологии.

На приеме бывают совершенно разные дети с совершенно разными родителями. Одни – родители-невротики: кричат на своих детей и заставляют их, под угрозой расправы дома, лечить зубы. Вторые – родители, чья чаша терпения если переполнится, то обрызгает всех вокруг: они сперва спокойно пытаются объяснить детям, затем их тон меняется и появляются легкие угрозы, дальше они выходят из кабинета и оставляют ребенка наедине с врачом, продолжают слышать пустой плач ребенка и отказ лечиться – их терпение лопается, они яростно врываются в кабинет и начинают колошматить ребенка, судорожно раздвигая ему челюсть и крича на него так, что слюна разлетается во все стороны. Третьи – родители-торгаши: они ведут переговоры с ребенком прямо на кресле, предлагая ему все более выгодные условия. Четвертые –

родители-параноики: они будут тревожить врача и в нерабочее время из-за того, что обнаружили у ребенка какую-то мелкую точку на зубе, которую не увидит невооруженным глазом. Пятые – родители интернет-эксперты: они знают все диагнозы, методы диагностики, методы профилактики и лечения, разговаривают с тобой на врачебном языке и убеждены в своих знаниях. И эта классификация с каждым разом пополняется.

Сегодня у меня на приеме была четырехлетняя девочка вместе со своей мамой. Они сели на кресло – сперва села мама, а потом себе на колени посадила ребенка, чтоб тот хоть как-то чувствовал себя в безопасности. В таком возрасте дети совершенно не понимают, что с ними будет происходить в стоматологическом кресле, и каждое слово врача пролетает мимо ушей, как только они слышат сверление писклявого наконечника. Задача родителей в таком случае, раз уж их ребенок в таком раннем возрасте уже нуждается в лечении, настраивать ребенка перед посещением стоматолога всяческими рассказами о том, что нужно лечить зубки и что лечение иногда может быть совсем немного неприятным, а не говорить, что больно точно не будет, что главное только держать рот открытым. Если ребенок первый раз на приеме и почувствовал малейшую боль во время лечения, которую, по словам родителей, он не должен был чувствовать, то ребенок в следующий раз уже не будет верить ни врачу, ни родителям, что бы те ни говорили, – он просто не будет открывать рот, зная, что его обманывают. У детей очень ограниченный лимит на ложь, тем более когда это касается их зубов.

Так вот, как только я включил мотор и бор в наконечнике начал свой быстрый ход, в это же время ребенок, сидевший в кресле, тут же вскочил – даже не вскочил, а скатился вниз по креслу, будто с горки на детской площадке, и с криком выбежал из кабинета, оставив там сидевшую в кресле маму, которая не успела даже пальцем пошевелить, и меня, с крутившимся в руке прибором. Тогда мать посмотрела на меня удивленными глазами, которые постепенно сменились на уныние, и сказала: «Ну давайте тогда мне полечим зубы, чтоб талон просто так не пропал».

Иногда не столько удивляют дети, сколько их родители. Многодетные матери – это бойкие женщины, им все нипочем. В каком-то суетливом гуле, в кабинет, ногой, швырнули ребенка, который выпячиваясь телом вперед, не успевая перебирать своими тощими, маленькими ножками, и, вздернув обе руки вверх, рухнул наземь. Приподнявшись, стоя на коленках, он оцепенел от шока. Выдержал паузу. Затем мимика его лица резко изменилась в противоположную сторону, широко открытые от удивления глаза сомкнулись с такой силой, что набухли верхние и нижние веки, затем, будто выжимая губку, они выдавили слезы. Горизонтальная линия улыбки превратилась в крутую дугу, с глубоко опущенными вниз уголками рта, до самого подбородка. Следом зашла виновница всего этого действия, крупная мамаша с грудным ребенком на руках и близнецами по обе стороны от нее. Обиженный ребенок стараниями матери уселся на кресло, которая, как надзиратель проводит узника на казнь, ногой подпирала ребенка.

В этой сцене я был палачом, эта роль мне не очень нравилась, но деваться было некуда вердикт вынесен:

«Пульпит 7.5 зуба!»

Наказание:

«Отсечение пульпы!»

На площади, у гильотины, собрались все обитатели деревни: медицинская сестра, санитарка, другие палачи – стоматологи, узники, ожидающие своей участи, и главное лицо – Королева, с грудным, капризным наследником в руках, а также с двумя личными рыцарями при дворе, которые, оцепеневшие, не сомкнув глаз, наблюдали за происходящим. Все было готово к казни, но плач наследника в руках королевы не утихал.

«Молока! Молока! Я не буду смотреть на это своего напитка»

Все на площади ждали.

Королева пошла на поводу у своего ребенка, и, не стесняясь всех присутствующих, в пылу суеты и запаха смерти, достала грудь и дала заветного молока. Наследник жадно вцепился, и, не отрывая глаз, наблюдал за происходящим.

Королева дала команду:

«Начинай!»

Лезвие упало. Короткий крик. Пульпа отсечена. Все разошлись. Конец сцены.

В этот день детского приема один взрослый пациент немного разбавил работу – у него было удаление однокорневого зуба. Все бы ничего, если бы этот зуб ранее не был лечен резорцин-формалиновой пастой около пятнадцати лет назад – такие зубы очень тяжело выходят, они словно срастаются с костью. Я провозился с ним больше часа, пробуя так и эдак, даже использовал молот и долото, нанося удары, чтобы обеспечить доступ к корешку; удары становились сильнее и чаще, страх и тревога в глазах пациента просто кричали, пот стекал по его лицу, смешиваясь со слезами, – трудно представить, что испытывает человек, который получает удары молотом по рту, но об этом я не думал – я думал, как же удалить все-таки этот проклятый зуб. Силы у меня уже окончательно иссякли, мышцы рук просто больше не функционировали – было ощущение, что они вот-вот лопнут, настолько они были напряжены. Я сдался и решил позвать своего коллегу на помощь, на что он мне лишь дал совет, как правильно нужно делать и что у меня все получится, если я буду делать так, как он сказал. Честно признаться, не такой помощи я от него ожидал, но все же я, немного отдохнув, продолжил изнурять себя и пациента. Прошло еще полчаса – зуб все еще находился в уже растерзанной лунке, будто здесь произошел взрыв. Бисан несколько раз, держа руки за спиной, словно заключенный на прогулке, прошелся по кабинету. Я снова обратился к нему за помощью, сказав, что все делаю по его совету, но ничего не выходит, – он посмотрел на меня пристальным взглядом, потом перевел взгляд в сторону и тяжело выдохнул, будто на него свалили обузу. Еле-еле он приподнялся с кресла и медленно прошел к пациенту, голыми руками взял инструменты, элегантно приподняв при этом свои мизинцы, начал профессорским взглядом изучать поле битвы, пару минут покопался, не прилагая особых усилий, и выдал заключение: значит, удаление сложное, тут нужен специальный инструментарий, оборудование, так просто его не удалить, нужно отправить пациента в окружную больницу в городе, там есть у меня хороший знакомый хирург – я думаю, он справится, а ты за такие сложные удаления даже не берись в следующий раз, а сейчас дай человеку направление, пускай в ближайшее же время поедет туда. Я сделал все, как он сказал, а про себя подумал: как можно так отправлять человека в другой город, не доведя до конца хирургическую манипуляцию, – вдруг что-нибудь случится, и вообще, может, у него свои дела есть и нет возможности уехать. Мне кажется, если бы на месте моего пациента бедолаги сидел какой-нибудь, условно, полицейский, человек из администрации, врач больницы, то Бисан не отправлял бы его подальше от себя, а приложил бы все усилия, чтоб удалить этот зуб.

Последний на сегодня пациент, тоже ребенок шести лет, пришел на прием вместе с мамой. Та кивает своему сыну и говорит: «Слушай врача, сынок, больно не будет». Эти слова не очень успокаивали ребенка, в голове у него бились противоречия: раз мама и врач говорят, что не будет больно, – значит, не будет, но в то же время опыт прошлых посещений говорит о том, что, возможно, все-таки будет больно и мама и врач специально так говорят, чтоб успокоить и быстро вылечить зуб, – эти мысли не давали ему покоя и заставляли его крутиться в кресле в поиске удобной позиции и задавать кучу вопросов от волнения, типа: «А что это? А для чего это? А как это делать?» Глаза его быстро бегали во все стороны, благо человеческий угол зрительного обзора ограничен, иначе бы он просто изнурил свое глазное яблоко. И как только он услышал жужжащий звук мотора и увидел приближавшийся к его рту инструмент, глаза его тут же перестали бегать и зафиксировали один объект; зрачки все больше увеличивались в диаметре, руки сжали подлокотники кресла, и только я коснулся его зуба, как он тут же резко дернулся, откинув с моей руки инструмент и закрыв руками уши; одновременно

он зажмурил сильно глаза и сжал челюсти с моим пальцем во рту с такой нагрузкой, что я почувствовал, будто меня сильно ударили тупым ножом по фаланге. Перчатка порвалась, кровь струей хлынула из пальца. В итоге в хирургическом отделении мне наложили несколько швов.

Я вернулся на рабочее место с измотанным пальцем и продолжил заполнять медицинские карты, накопившиеся за сегодня.

Опять я последний ухожу из поликлиники, закрываю ее и направляюсь домой по истоптанной, хрустящей снежной тропе – зима по календарю еще не наступила, а с неба падают, кружась в легком танце, огромные хлопья пушистого снега.

Опять после изнурительного дня я возвращаюсь домой с тяжелой головой – тяжелая она оттого, что в ней куча мыслей и эмоции, которые пожирают изнутри; уставшие от детских криков и писков барабанные перепонки, больная от неправильного по отношению к пациенту положения спина; пустой желудок, мычащий от голода; постоянные метания от того, надо ли мне все это, правильно ли я поступаю.

Зайти я не успеваю домой, как на меня тут же обрушивается гора претензий:

– Почему ты не убрал снег? Ты видел, сколько навалило? Или ты хочешь, чтобы я сама после всей готовки, стирки, глажки еще и снег убирала? Ты совсем не уважаешь родительский труд, а я столько в тебя вложила.

– Так я только пришел.

– Утром, вместо того чтобы валяться на кровати, мог встать пораньше и прибраться.

Я развернулся, хлопнул дверью и вышел из дома, зашел в гараж, завел машину и уехал прочь от этих претензий и криков. На работу я ходил пешком, так как она была неподалеку от дома, а машину использовал обычно в таких случаях, чтоб уехать куда-нибудь подальше.

Я выехал за поселок – было там одно местечко, куда ездил и где проводил время наедине со своими мыслями. Я остановился на обочине – вокруг был глухой темный лес, слышны были свистящие порывы ветра, которые слегка качали деревья. Я сидел и просто наблюдал за всем этим, находил в этом какое-то утешение, и так день сменялся ночью, света становилось все меньше, видно было его только вдаль за горизонтом – этот свет носил в себе разные оттенки: бело-голубая палитра смешивалась с желто-оранжевой гаммой. В боковом зеркале автомобиля, прислонившись головой к стеклу машины, я наблюдал, как в конце длинного темного коридора высоких деревьев ярко горела круглая оранжевая луна, продолжая свой медленный ход, и мой взор тут же пал на нее: она приковала к себе все мое внимание и манила, нашептывая слова успокоения, – все плохие мысли в тот же миг покинули меня, луна, будто дементор, высосала все негативные эмоции, остались только звук свистящего дуновения ветра и соблазнительная оранжевая точка в конце коридора, и все. Умиротворение. Вскоре она скрылась, унеся с собой мои переживания.

B20

Я взял больничный, так как работать с поврежденным пальцем стоматологу весьма проблематично. Все это время я проводил дома, переживая о том, как там мои пациенты, лечение которых должно было продолжиться у меня на приеме. Правильно ли я провел лечение? Вдруг из-за моего отсутствия у кого-то возникнут осложнения? Эти мысли сильно беспокоили меня. Боль других становилась моей. Но тем не менее работа без функционирования одного пальца могла бы не то что лечить, а нанести еще больше вреда – эта мысль немного меня успокаивала.

Больничный я проводил дома, периодически выходя на улицу убрать снег со двора – это ежедневное занятие каждого владельца частного дома на севере. Если в других местах утро начинается с кофе, то здесь утро начинается с уборки снега. Меня, честно говоря, такая традиция не очень радовала, но в вечернее время, когда сестренка уже была дома после учебы, мы с ней часто выходили во двор убирать снег: она брала свою маленькую лопатку и пыталась помогать мне, но на самом деле от ее работы ничего не менялось – она подбрасывала лопатой снег, а тот от ветра возвращался обратно, засыпая прочищенный участок, и она, словно Сизиф, выполняла эту нескончаемую работу. А в перерыве от уборки мы с ней сооружали снежные кресла на горе скопившегося снега. Сиделись туда отдыхать и глядели на звезды, которые всегда были отчетливо видны на небесном склоне. Она в своем видении собирала различные фигуры из звезд и всегда спрашивала меня: вижу ли я их? Я всегда отвечал, что вижу, хотя и не замечал никаких фигур. Ей очень нравилось проводить так время, поэтому у нас были долгие паузы и мы мерзли на холоде, не убрав достаточного количества снега.

Когда же сестренка ложилась спать, я в интернете заходил на сайт букмекерской конторы и начинал собирать события на различные матчи, которые шли онлайн, – там я мог проводить много времени, до раннего утра, пока не закончатся все топовые матчи. Азартное желание выиграть как можно больше денег не давало уснуть. Уже даже количество денег, высвечивавшееся в графе «баланс», воспринималось мной не как настоящие деньги, а как какие-то цифровые значения, которых хотелось иметь все больше. Почти всегда меня преследовал один и тот же сценарий: вначале я выигрывал небольшую сумму, затем начинал ее постепенно увеличивать на тех матчах, в исходе которых я был более уверен, исходя из анализа встреч, предыдущих игр команд, состава, набранной формы команды, а также отдельных их игроков, – в общем, я изучал команды, и ставки на такие матчи меня редко подводили, но, как только я выигрывал определенную сумму на таких событиях, когда запах азарта только входил во вкус, меня подстегивала мысль о том, что эти деньги и так все равно выигранные, почему бы их все не поставить на определенное событие и не удвоить, а то и утроить сумму. В результате этого мало того что выигранная сумма, но и та, которую я вложил вначале, были проиграны конторе. После таких положений дел чувствуешь себя слабеньким и обеспокоенным.

В одну из таких ночей, когда я еще находился на больничном и лежал на кровати не смыкая глаз от того, что опять проиграл часть зарплаты из-за своей жадности, чувствуя себя паршиво, мне поступил звонок на мобильный телефон, когда на часах было уже 02:18. На экране смартфона высвечивался номер скорой помощи, я поднял телефон:

– Алло.

– Здравствуйте, тут с острой болью подошли, просят стоматолога.

– Здравствуйте, но я сейчас еще пока на больничном, разве вам не сообщили? Должны были поменять дежурного.

– Нет, написан только ваш номер и ваша фамилия.

Я подумал: кому они из врачей сейчас смогут дозвониться, ночью в субботу.

– Ладно, скоро буду.

– Скорую отправлю тогда к вам сейчас.

– Хорошо.

Думаю: если там действительно удаление, то при удалении можно попробовать обойтись без одного функционирующего пальца, да и все уже и так заживает – в понедельник собирался уже выходить на работу.

Спустя десять минут приехала скорая, слепя своими яркими фарами всю проезжую часть, и припарковалась возле наших ворот. Я оделся, вышел на улицу; легкая вьюга метала крупные снежинки в разные стороны, крыльцо и весь двор, недавно убранный от снега, вновь замело сугробами. Ночную тишину улицы прерывал громкий мотор машины скорой помощи. Я сел в машину на пассажирское сиденье, а в данном случае на сиденье фельдшера, поздоровался с водителем – тот был мой бывший пациент.

– Ну что, даже в выходной отдохнуть не дают, дергают?

– Да ничего, я и так не спал.

– Да уж, тяжелая у вас работа, в любую минуту могут сорвать с места.

– Ну мы сами знали, куда шли.

Наступило молчание. Наша поездка быстро закончилась, я жил недалеко от работы.

– Ну давай, удачи.

– Давай, счастливо.

В фойе сидел мужчина, болтая о чем-то с медицинскими сестрами. Я взял на вахте ключи от соседнего крыла поликлиники, которое обычно закрывалось на ночь.

– Вы вызывали стоматолога?

– Да, я, – отозвался мужчина.

– Пойдемте за мной.

– Идем.

По дороге в соседнее крыло я расспрашивал о жалобах пациента, он рассказывал все в ярких подробностях, сравнивая каждую боль с каким-либо ощущением. Мы пришли в стоматологический кабинет, я подготовил все необходимое, усадил пациента в кресло, и вдруг он мне говорит:

– Слушай, я тебя сразу предупрежу: у меня В20.

– Что это значит? – с непониманием спросил я.

– Ну как, ты разве не знаешь? Это код, обозначающий то, что у меня ВИЧ, так что, дружище, ты еще молодой – давай надевай вторую пару перчаток, маску и аккуратно удали мне зуб.

Я стоял немного ошеломленным – первый раз мне пациент сам признался в этом, еще и проявил обеспокоенность за меня, да и про код я даже не знал, никто мне про это не говорил.

– Слушай, у меня зуб очень сильно болит уже давно, и никто из стоматологов не хочет принимать меня, потому что все знают про мой статус, – они гоняют меня подальше от себя. Я тебя прошу: хотя бы ты мне окажи нормальную помощь – я заплачу, если что, в долгу не останусь.

Я стоял молча и слушал его – сказанное им насторожило меня, тем более у меня все еще была рана на пальце и я находился на больничном, – и думал: зачем вообще я поднял трубку и приехал сюда, еще и в поздний час, – так во мне разыгралась тревожная человеческая сущность, но, когда я немного остыл, ко мне пришла врачебная деонтология, и спустя небольшую паузу я ответил:

– Конечно, я вам окажу помощь – это моя работа. Спасибо вам, что сообщили об этом, и платить ничего не надо – вы, так же как и все, имеете право на бесплатную помощь.

Последовав совету пациента, я надел дополнительную пару перчаток, маску, экран и принялся за работу. Беспокоил его подвижный, воспаленный 37 зуб. Подобрал необходимые щипцы, предварительно обезболив, я очень аккуратно извлек зуб из лунки и с облегчением выдохнул, благо зуб был подвижный и это не составило большого труда.

Глаза пациента налились слезами; он вылил на меня ведро благодарности и извинений за беспокойство, твердя о том, что будет отныне лечиться только у меня, – эта информация не сказать чтобы обрадовала меня, но тем не менее пациент был весьма доволен, а если пациент здоров и доволен оказанной помощью, то и врач доволен.

Я собирался домой; скорая была на вызовах, и неизвестно, когда она приехала бы, – дом находится недалеко от больницы, и я решил не дожидаться и пойти пешком. На улице все так же ветер указывал направление падавшим снежинкам, а на крыльце стоял пациент, которому я только что удалил зуб, и курил сигарету.

– Ты домой? – обратился он ко мне.

– Да, домой, ты бы тоже уже пошел, час поздний.

– Я и собираюсь, а ты в какую сторону идешь?

– В сторону магазина «Незабудка».

– О, мне как раз туда же. Ты не против будешь, если я с тобой пойду?

– Пойдем. – Честно признаться, я хотел бы один пойти, но я не смог ему отказать, мне было его немного жаль.

Он докурил сигарету, бросил ее в урну, и мы пошли.

– Слушай, еще раз тебе спасибо – ты меня очень выручил, я так долго ходил с этим противным зубом. Наконец-то он меня уже не будет мучать.

– На здоровье.

– Тяжело жить с диагнозом ВИЧ, а когда все вокруг еще про это знают, то еще тяжелей. Относятся к тебе, как к заразе, думают: если дотронутся до тебя, то тут же заразятся, но на самом деле это же не так – не было случаев заражения через рукопожатие, даже через поцелуй маловероятно. Но люди все равно сторонятся, даже зная про все это.

– Давно ты живешь с таким диагнозом?

– Года четыре уже как. Здесь много в поселке людей с ВИЧ-статусом, с гепатитом, только вот никто этого не говорит. Как я слышал, у нас здесь, в поселке, хотят ВИЧ-диспансер соорудить и всех прокаженных с округа сюда отправлять, – а че, у нас дороги тут нету, ни железной, ни автомобильной; поселок как остров какой-то, окружен рекой, ни приехать, ни уехать. Самое место, думают, для таких – всех в одну кучу закинуть, и чтоб все жили здесь и здесь же померли. И потом только по справке будут разрешать выезд за поселок.

– Звучит жутко. Думаешь, и вправду так будет?

– Думаю, да, а ты сам посмотри: зараженных меньше не становится, еще все отсюда уезжают, дома вон пустые стоят, молодежь не хочет здесь оставаться, да и более взрослые тоже уже.

Мы уже доходили до поворота, куда мне надо было сворачивать домой. На улице совершенно никого не было. Было темно, фонарные столбы через один еле освещали дорогу. Все это время его утопический рассказ сопровождала холодная вьюга. Я остановился у перекрестка, где лампа фонарного столба ярко освещала осыпавшийся снегом перекресток, и сказал, что мне пора домой. Он снова начал благодарить меня, еще пуще прежнего, встал на колени, чем заставил меня смутиться, и чуть ли не в слезах хвалил меня. Я поднял его на ноги, он неожиданно обнял меня, потом протянул замерзшую руку и просил его за все извинить. Я, немного замешкавшись, пожал ее и сказал, что если будет необходимость, то он может обращаться за лечением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.